

Ю.В. Кузьмин

ПРОБЛЕМЫ РУССКО-МОНГОЛЬСКИХ СВЯЗЕЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Е.М. ДАРЕВСКОЙ

В исторической науке сложилась устойчивая традиция изучать работы, дневники и отчеты крупных ученых и путешественников, использовать их материалы в научных исследованиях, а работы ученых, считающихся как бы «рангом ниже», не замечать и не вовлекать в научный оборот. Как писал великий русский поэт А.С. Пушкин, «мы ленивы и не любопытны».

Небольшой круг специалистов-монголоведов знают исследования иркутского историка Е.М. Даревской. К сожалению, большинство ее статей опубликованы в малотиражных изданиях Иркутска, Улан-Удэ и Улан-Батора, и являются, во многих случаях малодоступными для широкого круга ученых, интересующихся историей Монголии, русско-монгольских отношений конца XIX — начала XX вв. Сказались также неполнота и несовершенство советской научной библиографии, отсутствие должного и оперативного учета работ, выходящих в периферийных изданиях. Одна из самых существенных причин малой известности работ Е.М. Даревской отсутствие до последнего времени опубликованных книг не по вине автора. А между тем статьи Е.М. Даревской поражают своей удивительной новизной постановки проблем, оригинальностью вводимого в научный оборот исторического материала, точными и убедительными выводами.

По мнению известного советского ученого — монголоведа И.Я. Златкина, «Е.М. Даревская сумела выявить и ввести в научный оборот большое количество новых, ранее неизвестных документальных материалов, которые в своей совокупности ярко и конкретно раскрывают суть и характер русско-монгольских отношений в эпоху империализма, равно как и политики царизма в Монголии и деятельности в этой стране прогрессивных кругов российской общественности, давая богатый материал, подтверждающий известное положение Ф. Энгельса о прогрессивной роли

России на Востоке. Данные архивные материалы составляют главную, если не единственную источниковедческую базу всех трудов Е.М. Даревской. Это обстоятельство дает основание считать ее труды серьезными и оригинальными исследованиями, представляющими немалый вклад в наше советское востоковедение»¹.

Елена Марковна Даревская, со школьных лет увлеченная гуманитарными науками, в 1938 г. поступила на исторический факультет широко известного в предвоенные годы Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ), где проработала три года. Большое влияние на ее формирование как исследователя оказали крупные советские историки: М.Н. Тихомиров — знаток истории Древней Руси, С.С. Дмитриев авторитет по истории общественной мысли и культуры России XIX в.

Великая Отечественная война прервала ее учебу в институте. Оказавшись в Иркутске, она поступает на работу в Иркутский медицинский институт. В 1943 г., не оставляя работу в медицинском институте, продолжила учебу на историческом отделении историко-филологического факультета Иркутского университета и в 1945 г. с отличием его закончила.

Интерес к Монголии у Е.М. Даревской зародился во время учебы в университете, в семинаре «Японо-китайские отношения», который вел профессор из Одесского университета И.И. Белякевич. Он предложил заняться монгольской тематикой, поскольку в Иркутском архиве имелся значительный пласт оригинальных исторических материалов.

Тема дипломной работы «Национально-освободительное движение в Монголии в 1907–1913 гг. и Россия» определила дальнейшую научную судьбу Е.М. Даревской². В обстоятельном отзыве на ее дипломную работу Н.П. Шастина отметила, что вторую главу «можно с успехом рекомендовать к печати в том виде, в каком она есть. Она представляет собой небольшое, но интересное исследование по истории Монголии», а четвертая глава была охарактеризована как «самая большая глава работы, и в ней способности молодого автора к историческому анализу, к критической оценке событий сказались со всем блеском. Читаешь эту главу с безусловным интересом и вниманием»³.

Сорок один год Е.М. Даревская плодотворно проработала на историческом факультете Иркутского государственного университета, читала курсы: «Россия и Монголия», «Россия и страны Дальнего Востока», «Русский исторический роман (историческая достоверность)», Общественное движение 60–80-х гг. XIX в.»².

Для лекционных курсов и спецсеминаров Е.М. Даревской характерно обращение непосредственно к историческим источникам, их всестороннему анализу, постановка и освещение спорных, дискуссионных вопросов, что является полезной школой исследовательской работы для студентов.

За время работы было опубликовано более 70 статей, подготовлено 4 монографии, посвященных русско-монгольским связям, носящих новаторский характер.

Новизна работ Е.М. Даревской определялась, прежде всего, тем, что она выбирает для исследования вопросы, которые мало или вовсе не изучены ее предшественниками, или требуют пересмотра или уточнения.

Все статьи, без исключения, носят неповторимый характер постановки проблем, уникальны с точки зрения использования новых исторических источников, архивных материалов и периодической печати Иркутска, Улан-Удэ, Кяхты, Читы, Москвы и Санкт-Петербурга по истории русско-монгольских связей. В любой, самой маленькой миниатюре, она стремится к исчерпывающей полноте использования источников, их критического анализа и сопоставления. Поэтому ее публикации вызывают большой интерес российских и монгольских историков, пользуются глубоким уважением.

Своими материалами она опровергла многие устоявшиеся в исторической литературе стереотипы: о новых тенденциях в экономике Монголии на рубеже веков, степени культурности ее русских жителей и других аспектов связей. Е.М. Даревская открыла много имен русских деятелей, внесших заметный вклад в развитие и упрочение русско-монгольских отношений. Своей неутомимой деятельностью по изучению русско-монгольских связей Е.М. Даревская продолжила лучшие традиции русских и советских монголоведов: А. Игумнова, А. Бобровникова, Д. Банзарова,

И.А. Подгорбунского, Г.Н. Потанина, Н.Н. Козьмина, Н.П. Шастиной, ранее работавших в Иркутске.

Е.М. Даревская лично много сил отдала подготовке к изданию книги А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» (1969 г.)⁴, имевшей большой научный резонанс. Книга воспоминаний А.В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» ценный исторический источник, наблюдения правдивого человека, доброжелательно относящегося к монголам и пользующегося у них уважением, о событиях национально-освободительного движения 1911–1912 гг. и накануне революции 1921 г. в Западной Монголии. Кроме воспоминаний в книге представлена очень ценная переписка А.В. Бурдукова с учеными монголооведами В.Л. Котвичем, Б.Я. Владимирцовым за 1909–1923 гг. В этой книге Е.М. Даревская, используя архивные материалы, периодику и литературу, подготовила обширные комментарии, носящие в книге самостоятельный характер. Каждый комментарий это небольшой этюд об историческом событии или историческом лице, так или иначе, связанном с Монголией.

Мемуары переведены и изданы в 1987 г. на монгольском языке, сейчас готовится их публикация в Германии, комментарии Е.М. Даревской будут представлены в уточненном и расширенном варианте.

В 1994 г. в издательстве Иркутского университета вышла в свет ее крупная монография «Сибирь и Монголия: Очерки истории русско-монгольских связей конца XIX — начала XX вв.», которая подвела итоги многолетним изысканиям неутомимой исследовательницы⁵.

Все монголоведческие статьи Е.М. Даревской условно можно разделить на несколько групп. На первом плане экономические связи России с Монголией и их влияние на экономику и социальные отношения Монголии; во-вторых, цикл статей посвящен русско-монгольским культурным связям (роль ургинской школы переводчиков, значение медицинской и ветеринарной помощи России Монголии); в-третьих, статьи, анализирующие проблемы внутренней жизни русской колонии в Урге и ее влияние на монгольское общество в период первой русской революции

1905–1907 гг., Февральской буржуазно-демократической революции, Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны, и, наконец, впервые в декабристоведении она обратила внимание на проблему: декабристы в Забайкалье и соседние страны, в том числе Монголия и Китай.

В экономических связях, в которых наиболее изучена торговля, она выделяет для исследования вывоз капиталов из России в Монголию и влияние их на экономические и социальные отношения Монголии. В 1940–1950-х гг. в монголоведении, и вообще в советской исторической науке, господствовали схематизм, догматизм, цитатомания, умаление уровня развития экономики и культуры дореволюционной Монголии, был популярным тезис о том, что подлинная история страны началась только после народной революции, в Монголии господствовал иностранный торгово-ростовщический капитал, который не мог изменить экономической структуры страны. Поэтому и русские капиталы не оказывали никакого влияния ни на экономику, ни на социальные отношения Монголии.

Заслугой Е.М. Даревской является то, что она и тогда в своих исследованиях исходила не из схем, дат и цитат, а из анализа конкретного материала. Она показала, что в Монголии имелся не только торгово-ростовщический капитал, но и промышленный, на основе которого развивались предприятия с применением наемного труда, в том числе, и труда монголов. Они уже в 1910 г. применяли — и не впервые — стачки, специфическое пролетарское средство борьбы за отстаивание своих экономических интересов⁶.

Новизну трактовки Е.М. Даревской поддержали монголоеды Г.Н. Румянцев, Н.П. Шастина, В.И. Дулов. Но в печать статью упорно не пропускали и только 1963 г. удалось ее опубликовать в возобновленных «Трудах» ИГУ. Эта тема была продолжена и углублена и в статье «Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии» (1968), где введены в научный оборот новые документы о деятельности акционерного общества «Монголор», занимавшегося добычей золота. Эти данные позволили уточнить сведения об объеме вывоза капитала из России в Монголию (не 11 млн, а более 14 млн р.)⁷.

Из других наименее изученных аспектов экономических связей Е.М. Даревская осветила «Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири (1983)⁸, наиболее ярко проявившееся в Кяхте и Иркутске, где сибиряки питались мясом монгольского скота и для обработки монгольского сырья создавали кожевенные, овчинно-шубные, мыловаренные и другие перерабатывающие предприятия.

Дипломатические и политические отношения России с Монголией, связанные с провозглашением независимости Халхи и обращением за помощью к России, относительно хорошо изучены и освещены в литературе (И. Майский, А. Грумм-Гржимайло, А. Попов, Б. Ширендыб, коллективные сборники и монографии советских и монгольских обществоведов). Поэтому Е.М. Даревская их не освещает повторно. Она исследует малоизвестные вопросы этой темы, в частности «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг., «Партизанский отряд Тохтохо-тайджи в Сибири»⁹. Вторая из названных статей — глава из дипломной работы 1945 г., опубликованной только через 30 лет. И хотя за это время Ш.Б. Чимитдоржиев опубликовал статью на эту тему по материалам центрального архива, в статье Е.М. Даревской есть более подробные сведения из первичных материалов Иркутского архива и местных газет: о составе отряда, сведения о его деятельности в Монголии, о пребывании в Забайкалье, о противоречиях между Тохтохо и Баиром, об изучении русского языка сыном Тохтохо и преподавании монгольского казакам, о посещении Тохтохо Иркутска⁹.

В докладе «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг., представленном на IV Конгрессе монголоведов, показаны позиции основных политических партий и социальных групп России по вопросу о судьбе Монголии после провозглашения независимости и обращения за помощью к правительству России: правых черносотенных партий, кадетов, октябристов, народнических партий, социал-демократов и большевиков, особо выделены позиции сибирской буржуазии и интеллигенции¹⁰.

Большое внимание Е.М. Даревской, в целом ряде статей, уделено русской колонии в Монголии, анализу следующих аспектов

данной темы: количественный и социальный состав колонии и его изменение в зависимости от политики России, пребывание русских революционеров в Монголии, уровень культуры колонистов, отражение событий трех революций в России в русских колониях в Монголии, значение этих событий для русских жителей и влияние на монголов.

Эти темы отражены в статьях Е.М. Даревской: «Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии» (1973), «Русская революция 1905–1907 гг. и Монголия» (1976), «Проникновение сведений о революции 1905–1907 гг. в России в Монголию» (1984), «Политические ссыльные Сибири в Монголии» (1975), «Русские революционеры в Монголии» (1973), «Февральская революция в России и русская колония в Урге» (1958), «Русская колония в Монголии в годы Октябрьской революции и гражданской войны» (1969 г.), «Из жизни русской колонии в Монголии в годы гражданской войны» (1970), «Степан Иванович Попов в Монголии» (1974), «Ф.А. Парняков» (1971).

В этих публикациях Е.М. Даревской рассмотрены различные стороны общественной и культурной жизни русских поселенцев в Монголии. Ею была не только создана широкая картина их жизни и деятельности, но и преодолены многие сложившиеся в исторической и научно-популярной литературе стереотипы о низком культурном уровне и запрсах русских жителей.

Так, одностороннее представление о том, что русская торговая колония в дореволюционной Монголии конца XIX — начала XX вв. была «темным царством», основано на оценках И.М. Майского, данных в книге «Современная Монголия» (1921), характеристике профессора М.И. Боголепова. Например, И.М. Майский писал: «Газет почти никто не получает»¹¹.

Заключение авторов о малокультурности русских поселенцев в Монголии, сделанное на основе кратковременного пребывания в стране, при отсутствии полных сведений по этому вопросу, заставило Е.М. Даревскую написать специальную статью «Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии» (1973)¹².

Основываясь на архивных материалах, переписке и печатных упоминаниях о выписке и чтении периодической печати, она под-

вергла сомнению категоричность этого утверждения и поставила вопрос несколько шире: «Речь идет не только о степени культурности русских жителей Монголии, но и степени их осведомленности о политических и иных событиях, происходящих в России и в других странах, о возможности их быть источником и каналом для проникновения этих сведений к монголам, быть постоянным проводником политического и культурного влияния на монголов»¹³.

Собрав по крупицам материал по этому вопросу, Е.М. Даревская написала интересную статью о наличии у русских поселенцев с 60–70-х гг. XIX в. до 1921 г. русских газет, журналов и книг. Ряд фактов, приведенных Е.М. Даревской, заслуживает особого внимания. Например, одним из первых периодических изданий, которое попало в Ургу, был знаменитый «Колокол» А. Герцена, из Лондона морским путем доставленный в Кяхту, через Китай и Монголию. Выяснилось, что многие русские жители Монголии выписывали из России газеты и журналы. Преобладали буржуазные и мелкобуржуазные издания, что определялось социальным составом русских поселенцев. Е.М. Даревская пишет: «Среди этой литературы мы видим издания консервативные («Луч», «Ургинский листок», «Жизнь на восточной окраине»), либеральные («Нива», «Родина», «Русское слово», «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Алтай», «Байкал» (1897–1904 гг.), а также демократические и революционные («Колокол», «Байкал» (1905–1906 гг.) меньшевистские («Новая жизнь», «Дом») и даже большевистские («Правда» и др.)¹⁴.

Проанализировав социальный состав русской колонии, в связи с изменением политической ситуации в России и ее политики по отношению к Монголии, она показывает, как соответственно осуществлялось влияние на монгольское общество, как политическая борьба в русской колонии способствовала осознанию монголами своих собственных интересов: необходимости прогрессивных преобразований в их собственном обществе, в их стране. По ее мнению, «русская колония отражала в миниатюре и с некоторыми изменениями уровень материальной культуры, социальные группы, политические партии и политическую борьбу в России. Крупные политические события, проходившие в России революция 1905–1907 гг. и Февральская, а особенно Октябрьская

революция — находили отражение в русской колонии и этим как бы приближали эти события к монголам, облегчали их наглядное восприятие, усиливали их непосредственное влияние».

Е.М. Даревская впервые подробно исследовала целый ряд проявлений культурных связей. Одна из первых опубликованных работ Е.М. Даревской посвящена Ургинской школе переводчиков¹⁵, первой русской школы и первого русского культурного учреждения в Монголии. Школа просуществовала 50 лет (конец 1864–1920 гг.) и подготовила более 100 переводчиков монгольского, китайского и маньчжурского языков. Интересны сведения в статье о роли консула Я.П. Шишмарева в создании и деятельности школы, длительной борьбе за улучшение ее положения, социальном составе учеников, условиях их обучения, преподавателях школы, русских и особенно монголах — Наянтае, Чиван-Дорчжи, Цэрэне, Балдане, Цэрэндоржи, их взаимоотношениях с учениками, прослежена судьба некоторых учеников школы, оставивших о себе заметный след. На пример судьба Р.Бимбаева, старшего переводчика Кяхтинского пограничного комиссара, составителя в 1910–1916 гг. четырех русско-монгольских и монгольско-русских словарей, участника первой русской противочумной экспедиции доктора Д.К. Заболотного в Восточной Монголии в 1898 г. Показано участие переводчиков в различных экспедициях и международных конференциях и дипломатических переговорах, в политических событиях в русской колонии в Урге.

Прогрессивные деятели России, связанные судьбой с Монголией, мечтали о просвещении монгольского народа, в первую очередь, это были учителя буряты. Не только мечтали, но и предпринимали конкретные шаги в этом направлении. Еще в начале XX в. в период феодально-теократической монархии были созданы школы, в формировании которых принимали участие прогрессивные бурятские деятели Ц. Жамцарано, Д.А. Абашеев, Н.Т. Данчинов, И.И. Тунуханов. Из этих школ вышло много будущих руководителей монгольской революции, крупных государственных деятелей, таких как Ц. Дамбадорж, Х. Чойбалсан.

Е.М. Даревская одна из первых советских историков занялась этой важной и интересной проблемой еще в конце 50-х — нача-

ле 60-х гг. Статьи: «Обучение монголов в Сибири накануне Народной революции» (1974), «Обучение монгольской молодежи в Восточной Сибири: (из истории советско-монгольских связей)» (1963), «Новые сведения о двух учителях первой светской школы в предреволюционной Урге» (1983) до сих пор не потеряли своего научного значения и получили свое развитие в диссертациях Е.И. Лиштованного, В.Ц. Ганжунова¹⁶.

Впервые по архивным данным приведены сведения об англичанине Г.Ф. Уйттике, после 7 лет преподавания английского языка в Китае, приглашенном монгольским правительством в Ургу для организации обучения монголов европейским языкам¹⁷.

Первый опыт обучения группы мальчиков-монголов в лучших школах Иркутска и Троицкосавска в 1913–1917 гг., был организован ученым монголоведом Ц. Жамцарано. Е.М. Даревская показала в своих статьях, какую большую роль придавал этому опыту русский дипломат И.Я. Коростовец и власти Иркутска. В Кяхтинской газете опубликована фотография всей этой группы учеников и учителей в Троицкосавске в мае 1913 г.¹⁸ Этот первый опыт обучения небольшой группы монголов в Восточной Сибири после революции получил широкое развитие.

Е.М. Даревской был уточнен год начала работы русского кинематографа в Урге: не 1914 г., а 1913 г., вопреки утверждению авторов «Истории культуры МНР». Была сделана оригинальная попытка восстановить репертуар кинофильмов, которые демонстрировались в монгольской столице, и на этой основе был сделан новый вывод о значении его для монголов, которые по свидетельству очевидцев, были его «главными любителями» и посетителями. Эта была не просто забавная заморская диковинка, как утверждали авторы «Истории культуры МНР», а наглядный и доступный, даже неграмотному человеку, источник самых разнообразных сведений. По видовым, научным, хроникальным и художественным фильмам разных стран монголы узнавали о природе и городах, народах стран мира, их жизни, обычаях, мировых событиях, в том числе о первой мировой войне, о революциях в России, об актерах и искусстве России, Дании, Франции, Италии, США, Англии и др. Кинематограф стал одним из средств приобщения монгольских

кочевников к современному культурному миру, стремление к которому с особой силой проявилось в начале XX в.¹⁹

Русской медицине в дореволюционной Монголии посвящено две статьи Е.М. Даревской. В работе «Русская медицина в дореволюционной Монголии: (из истории русско-монгольских связей)» (1961 г.) была нарисована достаточно полная картина того, как русские поселенцы и путешественники в Монголии оказывали различную медицинскую помощь монголам. По данным Е.М.Даревской, раздавали лекарства и оказывали первую медицинскую помощь путешественники и ученые: Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, А.П. Свечников, В.С. Мехеев, И.М. Майский, И.А. Третьяк, а также русские поселенцы: Ф.И. Минин, Киселев, А.Д. Корнакова, Д.А. Ермолин, А.В. и А.И. Бурдуковы, Ф.И. Парняков. «Лишенные медицинской помощи, эти бывалые люди, живущие в Монголии десятки лет, привозили и выписывали из России различные лекарства, овладевали необходимыми в быту элементарными медицинскими сведениями, некоторые имели медицинское образование»²⁰.

Особенно важную роль они сыграли в деле оспопрививания. Известны многочисленные случаи, когда русские купцы брали с собой в Монголию фельдшеров специально для оспопрививания монголам, а с 1909 по 1919 гг. ветеринарные врачи из противочумных экспедиций Читинской противочумной станции попутно делали бесплатно прививки оспы.

Не идя против исторической правды, Е.М. Даревская отмечала и позитивный вклад лам-лекарей, практиковавших монголо-тибетскую медицину и использовавших для лечения «природные минеральные источники («аршаны»), целебные растения и травы, диету и ингаляции»²¹. Не чурались ламские врачи и использовать европейскую медицину. Например, они очень быстро начали применять оспопрививание «пользуясь детритом, который привозили в Монголию русские из Читы, Иркутска, Томска»²².

Большой вклад внесли русские медики в изучение чумы (ее источников, передатчиков, проверки действия противочумной сыворотки, используя также и наблюдения лам и простых монголов).

Особенно расширилась медицинская помощь в начале XX в. С 1906 г. к консульству в Урге был прикомандирован врач для постоянной работы, была открыта небольшая больница для бесплатного обслуживания монголов, русских китайцев. Е.М. Даревская отмечает, что среди посетителей больницы преобладали монголы: «за 1911 год из 10261 посещения монголов было 6429, китайцев 3399, русских 433»²³.

Приведены в статье интересные материалы об отряде русских врачей под руководством О.Левитской в 1913 г., занимавшейся лечением глазных заболеваний. За два месяца работы экспедиции было принято 971 больной, из них 904 монгола, сделано 503 операции, 314 человек прозрели после операции. Поразительные и наглядные успехи! Также были подобраны и розданы очки.

По мнению Е.М. Даревской, «деятельность русских врачей в Монголии наглядно убеждала монголов в превосходстве научной медицины над ламским врачеванием, вызывала большое доверие, уважение и симпатии монголов к русским врачам»²⁴. Однако, реально оценивая масштабы врачебной помощи, исследовательница пишет: «вследствие мизерного количества русских врачей в Монголии, их деятельность была каплей в безбрежном море, она не могла ощутимо оздоровить население страны»²⁵.

Существенную роль в оказании медицинской помощи монголам сыграл доктор из Бурятии С.Б.Цыбыктаров. Его деятельности Е.М. Даревская посвятила специальную статью «Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии» (1977)²⁶, построенную на материалах центральных и сибирских архивов, уделив особое внимание его «монгольскому периоду».

С.Б. Цыбыктаров в 1899 г. окончил Читинскую гимназию, в 1903 г. — Военно-медицинскую академию в Петербурге — одно из лучших медицинских учебных заведений России. Затем он работал в Забайкалье, а в 1909 г. его направляют в Монголию врачом при российском консульстве в Урге «для обслуживания конвоя, колонии и монголов».

По мнению автора статьи, С.Б. Цыбыктаров в полной мере соответствовал этому назначению: «Это был европейски образованный человек, опытный врач со специальным медицинским

образованием, при этом хорошо знающий и тибетскую медицину, язык и быт монголов»²⁷.

Доктор Цыбыктаров своими наблюдениями, сообщенными И.М. Майскому, опроверг мнение ряда исследователей о монголах как народе физически вымирающем. «Он утверждал, что монголы физически крепки, мышцы и ткани у них упруги, операции у них протекают очень хорошо, почти не требуют наркоза, заживление ран происходит быстро»²⁸.

Он организовал в Урге небольшую больницу для стационарного лечения русских, монголов и китайцев, она была открыта в Урге 3 октября 1909 г. Очень значителен был объем приема доктора: в месяц 11 001 400 приемов больных, половина из них — монголы. Консул Я.П. Шишмарев писал о нем в МИД России: «Он в короткое время заслужил доверие среди монгольского населения и китайцев и даже маньчжурских и монгольских властей»²⁹. Именно по совету Цыбыктарова в Ургу был отправлен отряд глазного врача О.П. Левитской. Врачебная и просветительская деятельность доктора продолжалась 12 лет, до конца его жизни (февраль 1921 г.), когда он зверски был убит унгерновцами.

Специальную статью посвятила Елена Марковна и роли русской ветеринарии в дореволюционной Монголии³⁰.

Впервые также были освещены те разделы обширной темы: «Из истории изучения Монголии», которые касаются деятельности и роли сибирских отделов РГО — Восточно-Сибирского (с 1851 г.) и Троицкосавского-Кяхтинского (с 1894 г.), а также русских поселенцев в Монголии (А.В. Бурдукова, А.Д. Корнакова, Ф.И. Минина, К.В. Юргановой-Вяткиной), которые принимали активное участие в их работе, особенно на территории Монголии, и сами становились исследователями страны, в которой они находились³¹.

Особенно выделяются материалы о А.В. Бурдукове, так как, кроме него никто из русских поселенцев не оставил такой обширный архив и не писал воспоминаний, содержащих ценные сведения по двум важным периодам истории Монголии³².

В статье «В.Я. Зазубрин и Монголия» (1971) Е.М. Даревская рассказывает о привлечении А.В. Бурдуковым известного и та-

лантливому писателю В.Я. Зазубрина к поездке по Монголии летом 1926 г. и сбору материалов для написания романа «Золотой баран», о содействии ему в этом деле А.В. Бурдукова и Б.Я. Владимирцова, о передаче ему вдовой Владимирцова всего архива монголоведа-академика, для написания книги его и о неосуществлении этих замыслов из-за ареста и гибели В.Я. Зазубрина в 1937 г.³³ Составитель «Книги братства» с советской стороны, заведующий интернациональным сектором Союза писателей СССР, поэт А.Гатов назвал все эти сведения сенсацией.

В 1975 г. в связи с 150-летним юбилеем восстания декабристов Е.М. Даревская опубликовала статью «Декабристы в Забайкалье и соседние страны (Китай, Монголия)». Этой статьей открыта новая тема в декабристоведении, которая затем была развита еще в пятнадцати ее статьях и учебном пособии.

Находясь на каторге в Забайкалье, совсем недалеко от границы с Китаем, декабристы проявили живой интерес к этой стране древней и оригинальной культуры. Княгиня М.Н. Волконская, живя на Благодатском руднике в 12 верстах от границы, совершая верховые прогулки на казачьей лошади «доставляла себе удовольствие выезжать в Китай». Декабристы покупали редкостные китайские и монгольские вещи и посылали их родным в Европейскую Россию. Братья Бестужевы, живя на поселении в Селенгинске, послали родным монгольское огниво, оправленное серебром, древний «монгольский» медный нож, найденный в земле. «Подивись искусству, с каким могли эти народы готовить такую твердую медь, что из нее можно было делать оружие». Ссылаясь на библейские предания, Н. Бестужев писал брату, что в глубокой древности и другие народы употребляли медные копыя, лук и т.п.

Многие декабристы ежегодно приезжали в Кяхту, чтобы побывать в находившемся рядом в пограничной зоне Монголии китайском торговом городке Маймачене. В Кяхте и Маймачене бывали: братья и сестры Бестужевы, дети М. Бестужева; С.Г. Волконский, его жена, сын, сестра; Трубецкие, старшая дочь которых — жена кяхтинского градоначальника (в 1853–1855 гг.), несколько лет жила в Кяхте; М.К. Юшневская с дочерью и зятем; приезжали И.И. Пущин, И.И. Горбачевский, А.М. Муравьев. В Кяхте видели

они китайцев и «бронзированных монголов на верблюдах» (выражение М. Бестужева).

В Маймачене бывали они на празднике Нового года, на знаменитых китайских обедах. Сын декабриста Михаил Волконский, чиновник особых поручений Иркутского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева в 1856 г. вместе с переводчиком Шишмаревым ездил в Ургу с важным дипломатическим поручением, связанным с так называемым «Амурским вопросом».

Несколько лет жил в Кяхте и занимался торговлей китайским чаем внебрачный сын Н.А. Бестужева и бурятки, усыновленный Д.Д. Старцевым — Алексей Старцев. После Пекинского договора 1860 г., открывшего свободный доступ русским в застенный Китай, А.Д. Старцев одним из первых (12.06.1861) поселился в Тяньцзине, где прожил 30 лет. Он сыграл большую роль в развитии русско-китайских отношений, заслужил глубокое уважение китайцев. В его деятельности можно назвать некоторые моменты, касающиеся собственно Монголии. Занимаясь транспортировкой китайского чая из Тяньцзиня через Калган — Монголию в Кяхту, Старцев, как и другие русские коммерсанты, должен был заготовить много серебра для уплаты монголам за провоз, потому что по «Правилам сухопутной торговли России с Китаем» 1862 и 1869 гг., русским запрещалось продавать китайские товары по пути из Китая в Кяхту. Старцев предложил российским дипломатам разрешить свободную продажу чая в Калгане и Монголии, потому что «монголы кирпичный чай берут с большой охотой, нежели серебро. Подобная торговля чаем диктовала бы большую пользу и удешевила бы проездную плату».

Старцев пытался содействовать улучшению путей сообщения и телеграфной связи России с Китаем через Монголию. В 80-х гг. XIX в. иностранцы в Китае добивались концессии на постройку железной дороги через Монголию. Один француз в 1886 г. построил в Тяньцзине в парке образцовую круговую железную дорогу и на ее открытие пригласил влиятельного губернатора Ли Хунчжана, желая заручиться его поддержкой. Но Ли Хунчжан обещал Старцеву выхлопотать разрешение на постройку железнодорожной дороги через Монголию. Старцев, не желая искать

денег у иностранцев, решил сам взять акций на 400 тысяч рублей и предложил управляющему русской почтой в Пекине Н.И. Гомбоеву (женатому на его сестре) «найти монгольского князя и вести дело совместно». Но, как и предполагал Гомбоев, Пекин не разрешил концессию на имя монгола, опасаясь сближения монголов с русскими. Старцев вел 1885–1887 гг. переговоры с китайцами о постройке телеграфа через Монголию на Кяхту, но китайцы считали нужным сначала построить линию через Маньчжурию. В 1891 г. Старцев возобновил переговоры о кяхтинской линии со старшим секретарем Ли Хунчжана. В начале 1892 г. Ли Хунчжан официально передал российскому посланнику желание китайского правительства построить кяхтинскую линию для соединения с русской и просил, чтобы первоначальные переговоры поручить Старцеву, «как уже вполне знакомому с этим делом», говоря так: «Я хорошо знаю Старцева как честного человека, поэтому и рекомендую его, надеясь, что он все исполнит хорошо».

Телеграфная линия Пекин Калган Кяхта была построена к 1898(9) близкой к России датской телефонной компанией.

В 1891 г. Старцев, из-за усилившейся политики России в Китае и изменившегося отношения российских дипломатов лично к нему, обосновался на Дальнем Востоке на необитаемом до него острове Путятин в Японском море, недалеко от Владивостока и за кратчайший срок создал здесь образцовое имение с разнообразными промышленными и сельскохозяйственными производствами. Учитывая нужды дальневосточного края в сельском хозяйстве, он особенное значение придавал коневодству и скотоводству.

Конный завод Старцева главной целью имел создать выносливую рабочую лошадь для местного крестьянского хозяйства. Для этого Старцев приобрел рысаков-орловцев лучших конных заводов Москвы и Томска, английских скаковых кобылиц в Австралии и Калькутте и 80 кобылиц монгольской выносливой и нетребовательной породы в Монголии у славившегося своими табунами Цэцэн-хана. Результаты опытной работы конного завода Старцева были представлены на Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Хабаровске в сентябре 1899 г.: здесь были представлены чистокровные рысаки,

помесь орловца с англичанкой, но крестьяне, казаки и мещане заглядывались на помесь орловца с монголкой, с крепким костяком при хорошо развитой мускулатуре. Эта лошадь наиболее отвечала требованиям местного крестьянского хозяйства и при невысокой цене — 120–150 р. была «поистине благодеянием для края». Монголки имели хороший сбыт во Владивостоке.

В Альбоме выставки есть фото лошадей Старцева, в том числе и монголки.

Для своего скотоводческого хозяйства на о. Путятин Старцев закупил в Орловске коров и быков холмогорской и гомитинской пород, а во Владивостоке — коров монгольской породы.

Старцев, живя в Тяньцзине, собрал библиотеку книг и древних рукописей по востоковедению — истории Китая, Монголии, Кореи, по отзыву знатока Китая и Дальнего Востока М.Г. Шевелева, принимавшего участие в комплектовании библиотеки Старцева, она «не имела равной в мире, стоимость ее не может быть измерена никакими суммами». Старцев собрал также знаменитую коллекцию предметов буддийского культа, «единственную в мире по полноте». Парижский музей, вероятно, Лувр, предлагал Старцеву за его коллекцию 3 млн франков, но он отказал ее продать за любую сумму.

Старцев оказал активное содействие созданию I буддийской выставки в Иркутском музее ВСОРГО в 1889 г., передав 16 прекрасных статуэток буддийских богов, монаха, раковину жемчужницы с рельефными перламутровыми изображениями и др.

Связи с Монголией имел и Н.И. Гомбоев. Селенгинский бурят, вероятно, ученик Бестужевых, учитель в бурятской школе, Гомбоев при открытии первого российского консульства в Урге в 1861–1863 гг. частным образом служил там переводчиком, ездил в Пекин для изучения китайского языка. Позже он неоднократно в качестве переводчика монгольского и китайского языка сопровождал научные экспедиции в Китай и Монголию. Затем он 30 лет управлял русской почтой в Тяньцзине и Пекине. Старшие дочь Екатерина и сын Георгий учились в Иркутске, куда отвозила их жена Н.И. Гомбоева — Екатерина Дмитриевна, сестра А.Д. Старцева. Приезжал в Иркутск и Н.И. Гомбоев, прислал иркутскому

музею ВСОРГО предметы из своей богатейшей коллекции принадлежностей буддийского культа из ламаистских монастырей для буддийской выставки в конце 1889 г. Был он и членом ВСРГО. В 1891 г. Н.И. Гомбоев забрал сына Георгия из иркутской гимназии и отдал его в Ургинскую школу переводчиков, которую тот успешно окончил, совмещая с работой в консульстве, за что был награжден орденом двойного дракона. Во время русско-японской войны служил переводчиком китайского языка в Порт-Артуре, позже в Харбине.

Н.И. Гомбоев, живя в Пекине, поддерживал дружеские связи с монголами, многие бывали у него в Пекине, он вообще придавал большое значение поддержанию тесных связей русских с монголами — ближайшими соседями сибиряков.

На основе всех этих статей Е.М. Даревская подготовила рукопись монографии «Декабристы в Сибири, Монголии и Китае».

В целом, работы Е.М. Даревской, опубликованные и неопубликованные, содержат обильные новые материалы и о политике России по отношению к Монголии, и о деятельности многих русских в Монголии, и о влиянии этой деятельности на Монголию, ее экономику, социальные отношения, уровень культуры, то есть на историю собственно Монголии.

Мы, ее коллеги и ученики, имевшие представление о колоссальном объеме информации по истории русско-монгольских отношений, накопленном Е.М. Даревской за долгие годы работы, уже давно ждали обобщающего исследования, где-бы под одной обложкой были собраны все разработки по проблеме. И вот в 90-е гг. к читателю, наконец, пришли такие яркие и интересные книги, о которых уже упоминалось выше: «Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков» (Иркутск, 1994); «Три портрета — три судьбы. Исторические очерки» (Улан-Батор, 1997); «Методические ошибки в современном декабристоведении» (Иркутск, 1998).

«Сибирь и Монголия...» представляет собой фундаментальное исследование, освещающее практически все аспекты деятельности российских людей в Монголии начала XX в. Заинтересованный читатель обнаружит здесь анализ интереснейших коллизий,

возникавших в процессе хозяйственных, политических, культурных и, наконец, научных контактов России и Монголии. Написанная объективно и сдержанно, в традициях старой русской исторической школы, снабженная внушительным научным аппаратом, эта книга является крупным вкладом в историографию русско-монгольских отношений.

«Три портрета...» издана в Монголии и поэтому практически недоступна российскому читателю. Остается, в этой связи, выразить глубокое сожаление, поскольку героями этого своеобразного исторического триптиха стали очень интересные и самобытные люди: русский финансовый советник правительства Автономной Монголии в 1914–1916 гг., впоследствии выдающийся монголовед С.А. Козин; кяхтинский купец 1-й гильдии, пионер русского земледелия в Монголии И.И. Корнаков; сибирский священник Ф.А. Парняков. И вот тут мы сталкиваемся с одной характерной особенностью творческой позиции «Сибири и Монголии...» и «Трех портретов...». Дело в том, что за исключением С.А. Козина, остальные персонажи упомянутой трилогии малоизвестны. Как нам кажется, для Елены Марковны в истории нет действующих лиц первого и второго плана. Более того, видимо, именно судьба рядового человека позволяет ей более органично приблизиться к историческому времени, взглянуть на события как бы изнутри, почувствовать дух, или, если хотите, запах эпохи.

В сюжете об Иване Иакинфовиче Корнакове очень ярко проявилась особенность исследовательского почерка Е.М. Даревской, а именно, стремление к максимальной объективности, чуждое предвзятости и категоричности оценок. В обстановке утверждения ценностей рыночной экономики и соответствующего пересмотра места и роли купечества в дореволюционной России естественным было бы представить общественности, в том числе и монгольской, положительный образ купца, гармонично сочетавшего в себе предприимчивого дельца и культуртрегера. И такие люди были. Достаточно вспомнить А.М. Лушникову, А.Д. Старцева, А.В. Швецова, М.А. Коковина и др. Но в центре внимания Елены Марковны человек совершенно иного склада, совмещавший ярко выраженную сеньориальность поведения и очевидное

отсутствие навыков рационального хозяйствования. И это тоже типичный представитель русского купечества, мимо которого, как бы ни хотелось, не может пройти истинный историк.

Еще она тема исторических поисков занимала Елену Марковну Даревскую — декабристы в Сибири, их интерес к странам Востока: Китаю и Монголии. В ней она сумела соединить две разные темы в одну и создать оригинальную работу. В 2007 г. была опубликована монография Е.М. Даревской «Декабристы в Сибири и соседние страны Востока — Китай, Монголия»³⁴. Была проделана объемная работа по выявлению, обобщению отдельных фактов, событий и источников в цельную картину.

В данной монографии на основе публикаций будущих декабристов проанализированы их представления о Китае и Монголии, а также их оценки монгольских завоеваний и влияния на историческое развитие Руси.

Более подробно рассмотрены в книге следующие вопросы: этнографические наблюдения декабристов в Кяхте и Маймачене, характеристики торговых отношений России с Китаем и Монголией, декабристы и восточная медицина, источники сведений декабристов о Китае и Монголии.

Российские монголоеды Москвы, Петербурга, Улан-Удэ, Элисты всегда с интересом следили за работами Е.М. Даревской, высоко оценивали ее статьи и монографии. Иркутские монголоеды имели возможность личного общения с уважаемым исследователем, возможность получить консультацию и ценный совет.

В ноябре 1999 г. Иркутское отделение Всероссийской ассоциации монголоведения провело международную конференцию «Монголия и Сибирь», посвященную 80-летию со дня рождения Е.М. Даревской. Были опубликованы полная биография ученого, библиография трудов на русском, монгольском и английском языках (В.В. Свинин), историографический обзор работ Е.М. Даревской.

В декабре 1999 г. Генеральный консул в Иркутске Л. Мундагбаатар вручил Е.М. Даревской Знак «Заслуженный работник просвещения Монголии» за большой вклад в изучение истории и культуры Монголии, подготовке кадров историков для Монголии.

В 2009 г. кафедра мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского госуниверситета провела торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Е.М. Даревской. Была дана высокая оценка научного и педагогического наследия неугомонного иркутского исследователя истории Монголии и русско-монгольских связей.

Жизнь и научная деятельность Е.М. Даревской является образцом творческого отношения к историческим исследованиям, преданностью теме изучения Е.М. Даревскую, как исследователя, всегда отличали скрупулезность в сборе материалов, принципиальность в отборе фактов, а также завидное упорство и увлеченность.

Примечания

¹ Отзыв о научных работах Е.М. Даревской д.и.н. И.Я. Златкина от 27 августа 1973 г. // Текущий архив Иркутского государственного университета. Личное дело Е.М. Даревской.

² Свинин В.В. Монголия в трудах Е.М. Даревской // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность. Иркутск, 1983. С. 59–61; Кузьмин Ю.В. Знаток Монголии (Е.М. Даревская) // Народная газета. 1992. 2 февр.; Кузьмин Ю.В. Неугомонный исследователь: Ко дню рождения Е.М. Даревской // Российское монголоведение: бюл. М., 1996. № 4. С. 178–179. Кузьмин Ю.В. Вопросы русско-монгольских связей конца XIX — начала XX вв. в исследованиях Е.М. Даревской // История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск, 2006. С. 113–127.

³ Личный архив Е.М. Даревской.

⁴ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М., 1969. То же на монг. яз.: Бурдуков А.В. Хуучин ба шинэ Монголд. Улан-Батор, 1987.

⁵ Более подробно об этой работе см.: Свинин В.В. Послесловие научного редактора // Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Иркутск, 1994. С. 397–400; Свинин В.В. Елена Марковна Даревская: биобиблиогр. указ. тр. Иркутск, 1994–1996. С. 6–8; Первый раздел наст. сб. С. 8–10; Лиштованный Е.И. Из Иркутского Центра монголоведения: (Новые книги) // Bulletin International Association for Mongol Studies. Ulaanbaatar, 1997. № 1 (19). Р. 185–190.

⁶ Даревская Е.М. Русская промышленность и наемный труд в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ. 1963. Т. 31. Сер. ист. Вып. 4. С. 150–173.

⁷ Даревская Е.М. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ. 1968. Т. 55. Сер. ист. Вып. 1. С. 107–129.

⁸ Даревская Е.М. Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири в период империализма // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири: тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 1983. С. 75–78.

⁹ Даревская Е.М. Партизанский отряд Тохтохо-тайджи в Сибири // Сибирский исторический сборник: (Соц.-экон. и полит. развитие Сибири). Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 144–166.

¹⁰ Даревская Е.М. «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг. // Олон улсын Монголч эрдэмтний ГҮ их хурал (ГҮ Междунар. конгр. монголоведов). Улаанбаатар, 1985. Т. 1. С. 391–399.

¹¹ Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 95.

¹² Даревская Е.М. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 42–63.

¹³ Там же. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ Даревская Е.М. Ургинская школа переводчиков и толмачей: (Из истории русско-монгольских культурных связей) // Свет над Байкалом. Улан-Удэ, 1958. № 1. С. 140–150.

¹⁶ Лиштованный Е.И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири: (1920–1980-е годы): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1992. 78 с.

¹⁷ Даревская Е.М. Англичанин из Лондона в ургинской школе // Mongolica III: Из архивов отечественных монголоведов XIX начала XX вв. СПб., 1994. С. 18–22.

¹⁸ Даревская Е.М. Первые ученики — монголы в Сибири (с фотогр.) // Ленинское знамя. 1975. 4 февр.

¹⁹ Даревская Е.М. Русский кинематограф в дореволюционной Урге // Олон улсын Монголч эрдэмтний III их хурал (III Международный Конгресс монголоведов). Улаанбаатар, 1979. Т. 1. С. 135–141.

²⁰ Даревская Е.М. Русская медицина в дореволюционной Монголии: (Из истор. русск.-монг. связей). 1961. Т. 29. Сер. ист. Вып. 2. С. 205.

²¹ Там же. С. 204.

²² Там же. С. 207.

²³ Там же. С. 211.

²⁴ Там же. С. 215.

²⁵ Там же. С. 216.

²⁶ Даревская Е.М. Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии // Тр. / Бурят. ин-т обществ. наук Бурят. фил. СО АН СССР. 1977. Вып. 28: Исследования по истории и филологии Монголии. С. 39–50.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Там же. С. 46.

²⁹ Там же. С. 44.

³⁰ Даревская Е.М. Русская ветеринария в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ. Иркутск, 1970. Т. 59, вып. 2.

³¹ Даревская Е.М. Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением РГО // Тр. / Кяхтинск. музей краевед.; Кяхтинск. отд. ГО СССР. Улан-Удэ, 1961. Т. 18. С. 60–74; Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Иркутск, 1994. С. 203–262.

³³ Даревская Е.М. Зазубрин и Монголия // Книга братства. М.; Улан-Батор, 1971. С. 175–182.

³⁴ Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Волстока — Китай и Монголия. Иркутск, 2007. 118 с.

³⁵ Елена Марковна Даревская. Замечательный педагог, известный ученый: к 90-летию со дня рождения / сост. В.В. Свинин). Иркутск, 2009. 16 с.

В.А. Василенко

ХАРАКТЕРИСТИКА ОПУБЛИКОВАННЫХ И НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО «УРЯНХАЙСКОМУ ВОПРОСУ» В ПОЛИТИКЕ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Документы отечественных государственных архивов позволяют проследить эволюцию политического поведения российской стороны в решении «урянхайского вопроса». Зачастую решения представителей властных структур Российской империи были непонятны даже для органов местного самоуправления и дипломатов. При детальном рассмотрении документов представится возможным выстроить единую картину политического взаимодействия российской, монгольской, китайской сторон, а также действий органов центральной власти и местного самоуправления.

Современная историография решения «урянхайского вопроса» в политике России, Монголии и Китая начала XX в. представлена трудами Е.А. Белова, В.Г. Дацышена, Н.М. Моллерова, Г.А. Ондар, С.Г. Лузянина, Д. Шурхуу и пр.